

На правах рукописи

АУРОВ ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ

**ГЕОГРАФИЯ ВЛАСТИ В ГОРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИСПАНИИ К
КОНЦУ XIII – СЕРЕДИНЕ XIV ВВ.**

5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»)

Официальные оппоненты:

Филиппов Игорь Святославович

доктор исторических наук, доцент; ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», профессор кафедры истории Средних веков Исторического факультета

Тогоева Ольга Игоревна

доктор исторических наук; ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук», Отдел исторической антропологии и истории повседневности; главный научный сотрудник

Волосюк Ольга Виленовна

доктор исторических наук, профессор; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», научный руководитель Департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ)

Защита состоится «13» февраля 2026 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.01 (по историческим наукам), созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, строение 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_AurovOV_1560.pdf

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор исторических наук, доцент

Барышева Елена Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено географии власти в городах Центральной Испании в период до конца XIII – середины XIV вв. В центре внимания работы находится средневековая территориальная община (*консехо*) Кастилии и Леона, соединявшая в своих границах город и его сельскую округу и сочетавшая черты института местного самоуправления и административно-территориальной единицы. Под *географией власти* в диссертации понимается пространственная составляющая властных отношений и связанных с ними институтов и юрисдикций. Основное внимание уделяется территории средневекового города и прилегающей к нему сельской округе, объединенных в границах *консехо*, ставшей пространством взаимодействия различных акторов, представленных разными центрами власти и конкурировавших друг с другом в борьбе за административно-политическое и экономическое влияние. Эта постоянная конкуренция определяла способ существования *консехо* как локального политикума, из-за чего выявление круга представленных в нем конкретных акторов, а также векторов и результатов их действий выступает в настоящем диссертационном исследовании в качестве ключевой задачи. Еще одной особенностью настоящей работы является сознательный отказ автора от отдельного осмысления роли Церкви, хотя в диссертации, разумеется, затрагиваются отдельные аспекты истории конкретных церковных учреждений и оценивается их значение в городской жизни Центральной Испании исследуемого периода.

Актуальность темы исследования обусловлена уже значимостью феномена средневекового города как политического, административного, военного, экономического и культурного центра латинского Запада и королевств Кастилия и Леон как его части. Даже в эпоху раннего Средневековья город сохранял там свое значение в качестве резиденции власти. В период же после 1000 г. важность политической и военной роли городов лишь непрерывно возрастала, достигнув своего апогея на рубеже XIII-XIV вв. Соответственно, городское пространство, а также пространство

примыкавших к городам сельских округ являлось местом проявления и развития основных политических и военных процессов, присутствия и ожесточенной конкуренции субъектов феодальной власти. Вне учета роли этих процессов политическая история западного Средневековья не может быть воспринята адекватно.

Отдельно следует выделить роль взаимоотношений города и феодальных структур – от присутствия феодальных сеньоров и их юрисдикций на городской территории до интеграции городских элит в структуру феодального класса и включения города в иерархию феодальной власти в статусе коллективного вассала. Эта проблематика была представлена уже в медиевистике XIX в. Применительно же к задачам российской исторической науки сохраняет свою неизменную актуальность компаративный анализ характеристик представленных в средневековой Европе западных и незападных, западно- и восточно-христианских форм городской жизни, властных структур, моделей социально-политического, экономического и культурного развития.

Наконец, сами по себе концепты средневекового «свободного города» и современного ему феодального порядка как политической системы, лишенной бюрократической вертикали и всецело и полностью основанной на господстве и неограниченной конкуренции социальных элит, почти бесконтрольно прибегавших к прямому насилию, относятся к числу фундаментальных по своей важности явлений, знания о которых позволяют глубже и точнее оценивать специфику политических механизмов, присущих иным историческим эпохам – от древности до современности.

В указанном историко-политическом контексте сформулирована и **научная проблема** диссертационного исследования, заключающаяся в выявлении ключевых характеристик географии власти городов Центральной Испании до конца XIII – середины XIV вв., проявлявшихся на уровне средневекового консехо, круга акторов (субъектов феодальной власти),

представленных в границах общины, перечень связанных с ними центров и учреждений, а также форм взаимодействия и конкуренции между ними.

Степень изученности проблемы. Различные аспекты истории средневекового города начали изучаться уже с момента появления испанской историографии Нового времени. Основы существующих историографических представлений восходят к трудам эрудитов конца XVI-XVIII вв. (Х. де Мариана, Д. Кольменареса, Х. Хордана де Ассо и М. де Мануэля, Х. Ф. Масдеу). Никто из этих историков не исследовал средневековый город как таковой. Однако уже тогда большое внимание уделялось изучению истории римских муниципальных учреждений. Наиболее полно эта тенденция проявилась в историописании эпохи Просвещения, для которой характерно особое внимание к образам свободного испано-римского города и античной гражданской общины, что, в первую очередь, проявилось на уровне распространения соответствующей понятийной системы на реалии средневекового города. Следствием этого процесса изначально стало смешение характеристик, присущих разным историческим эпохам, особенно осязаемое с началом XIX в., с распространением в Испании идей французской романтической историографии (О. Тьерри, Ф. Гизо, Л. Ш. Ромей и др.).

Собственно пиренейская школа романтической историографии средневекового испанского города начинается трудами Ф. Мартинеса Марины, А. Эркулану и их единомышленников. В рамках единого направления выделялись два основных течения – романистское (М. Кольмейро, Ж. П. де Оливейра Мартинш, М. Лафуэнте) и германистское (Х. Семпере, П. Х. Пидаль, Т. Муньос-и-Ромеро, Э. Перес Пужоль, Э. де Инохоса). Если первые жестко противопоставляли средневековый город (как прямое продолжение римского муниципия) феодальному окружению (изначально варварскому), то германисты занимали противоположную позицию. Несмотря на конечную победу умеренных германистов, сторонников теории синтеза, в конце XIX – начале XX вв. возобладали изначально романистские идеи о свободном характере средневековой городской жизни и слабости феодальных институтов,

объяснявшейся условиями Реконквисты. Отсюда – широкое распространение вплоть до 1970-1980-х гг. концепции о преимущественной «нефеодалности» средневекового испанского социума (К. Санчес-Альборнос и др.). Несмотря на то, что к настоящему времени сторонников этой концепции среди действующих ученых уже не осталось, и историографическую ситуацию определяют взгляды совсем иных исследователей – Х. Л. Мартинеса Льоренте, М. А. Ладеро Кесады, А. Рюкуа, Э. Ольмоса Эргедаса, Х. Л. Бермехо Каррера, Р. Гонсалеса Гонсалеса и др., вопросы о характере средневекового свободного города и формах его взаимоотношения с феодальным окружением остаются нерешенными до сих пор. В значительной мере, этот тренд отражается и в отечественной испанистике (В. К. Пискорский, А. Р. Корсунский, С. Д. Червонов, С. Т. Минаков, О. И. Варьяш, И. И. Варьяш, Г. А. Попова и др.), где до сих пор отсутствует целостная концепция городской истории средневековой Испании, соответствующая современным научным представлениям.

Источниковая база исследования включает круг источников, основу которого составили источники опубликованные. Тем не менее, *архивные источники* также имели существенное значение для достижения целей, поставленных в работе; в частности, большое значение имело исследование их кодикологических особенностей. Всего было привлечено 26 архивных источников, находящихся в фондах 11 библиотек и архивов: Национальной библиотеки Испании, Королевской библиотеки монастыря св. Лаврентия в Эскориале, Национальной библиотеки Франции, Библиотеки капитула Толедского собора, Архива Арагонской Короны, Ватиканской папской библиотеки, Библиотеки Фонда Ласаро Гальдиано, Библиотеки Саламанкского университета, Библиотеки Королевской академии истории, Университетской библиотеки г. Копенгаген, а также Британской библиотеки.

В целом вся совокупность письменных источников настоящего исследования подразделяется на три видовых комплекса. К опубликованным *документальным источникам*, использованным в работе, относится, в первую очередь, актовый материал из 12 муниципальных архивов, 15

публикаций королевских документов правителей Кастилии, Леона, Арагона и Наварры, а также 14 церковных учреждений. В общей сложности, речь идет о тысячах публично-правовых и частноправовых актов.

К **нормативно-правовым источникам** относятся памятники римского права поклассического периода и эпохи рецепции *ius commune*. В эту группу вошли позднеимские кодификации Кодекс Феодосия Младшего (438 г.), Бревиарий Алариха II (506 г.), Свод Юстиниана, Декрет Грациана (ок. 1140 г.), дополнившие его сборники папских декреталий и др. Из числа памятников законодательства вестготской эпохи (V – начало VIII вв.) выделяю Эдикт Эвриха (ок. 476 г.), «Книгу приговоров» (Вестготскую правду), ее старокастильское переложение (Фуэро Хузго) (ок. 1241 г.), а также постановления Толедских поместных соборов VI-VII вв. Из числа памятников средневекового форального права Кастилии Леона следует выделить не менее 34 кратких фуэро (поселенные хартий) XI – середины XII вв. и 7 пространных фуэро (местных судебных) конца XII – XIII вв. Особое место в ряду нормативно-правовых источников занимают правовые кодексы эпохи Альфонсо X Мудрого – «Королевское фуэро» (1255 г.), «Зерцало» (ранее 1260 г.), «Семь Партид» (после 1265 г.). Следует также выделить постановления сословно-представительных учреждений (кортесов) Кастилии и Леона второй половины XIII – середины XIV вв., ряд которых венчает «Уложение Алькалы» Альфонсо XI (1348 г.). Наконец, к этому же комплексу относятся компиляции территориального права Кастилии и Леона – «Книга фуэро Кастилии», «Старое фуэро Кастилии» и др., а также памятники феодального права земель Арагонской Короны (в первую очередь – каталонская «Большая книга феодалов» и арагонский «Большой Видаль»).

К **нарративным источникам**, использованным в работе, следует отнести, в первую очередь, ряд памятников латинской и греческой историографии от Поздней античности до XI в. (прежде всего – труды Иордана, Гидация Лемикийского, Иоанна Бикларского, Исидора Севильского, Юлиана Толедского и др.), памятники латинской хронистики Кастилии и

Леона XII-XIII вв. («Силосскую (Леонскую) историю», «Хронику Альфонсо Императора», «Всемирную хронику» Луки Туйского, «Латинскую хронику королей Кастилии» Хуана де Осма, «Историю об испанских событиях» Родриго Хименеса де Рада и др.), старокастильские хроники середины XIII – второй половины XIV вв. (прежде всего – «Историю готов», «Изначальную», «Критическую» и «Пространную» редакции «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого (1270-1289), хроники королей Санчо IV, Фернандо IV, Альфонсо XI и др.). К ней примыкают памятники латинской и старокастильской агиографии (в связи с последней особенно важны версифицированные жития Гонсало де Берсео). Следующую группу составляют эпические поэмы («Поэма о Сиде», «Поэма о Фернанде Гонсалесе») и рыцарские романы XIII – начала XIV («Книга об Александре», «Книга о Аполлонии», «Книга о рыцаре Сифаре», «Великое завоевание в заморских землях»). Кроме того, источники иной видовой принадлежности (эпиграфические, археологические, визуальные) при необходимости привлекались в качестве дополнительных.

Объект исследования – социально-политические процессы, развивавшиеся на средневековом Западе от Поздней античности до высокого Средневековья включительно, характер которых был определен феноменом западного феодализма, а также роль свободного города как неотъемлемой составляющей этих процессов.

Предмет исследования городская история Центральной Испании, входившей в состав средневековых королевств Кастилия и Леон, окончательно объединившихся в 1230 г., с акцентом на роли города в политических процессах феодальной эпохи и географической составляющей этих процессов, отразившейся в письменных источниках разной видовой принадлежности, созданных в период до конца XIII – середины XIV вв. включительно.

Цель исследования – выявление особенностей географии власти городов Центральной Испании до конца XIII-середины XIV вв.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- Определить степень изученности проблемы, основные научные концепции истории средневекового испанского города, представленные как в отечественной, так и в зарубежной историографии, оценив уровень современных историографических представлений по существу исследуемой проблематики;
- Выявить круг архивных и опубликованных источников, содержащих информацию о городской истории Центральной Испании в исследуемый период, провести их классификацию в соответствии с целью диссертационного исследования;
- Идентифицировать истоки средневекового консехо, связав его с формами организации местного самоуправления и формами коллективизма, присущими предшествующим историческим эпохам испанской истории;
- Установить основные характеристики консехо, определявшие его существование как территориальной организации и влиявшие на степень субъектности общины в распоряжении ее собственной территорией, ее внутренними и внешними границами;
- Выяснить особенности территориальной общины как института местного самоуправления, в том числе – степени ее субъектности в реализации круга властных полномочий, закрепленных за общиной источниками местного права (фуэро, привилегиями и др.);
- Определить место консехо в иерархии феодальной власти с учетом соотношения статуса и функций разных элементов и уровней этой иерархии;
- Установить роль дворца как форпоста сеньориальной власти и связанной с ним категории должностных лиц (министериалов) на территории города, с учетом влияния последних на эволюцию системы местного самоуправления;
- Выяснить роль замка (алькасаара) как форпоста сеньориальной власти в городской черте, а также формы взаимоотношений алькайда (шателена) и гарнизона замка (алькасаара) с городскими властями и населением города.

Географические рамки исследования включают центральные области Испании, естественные границы которых в основном соотносятся с общими

очертаниями Месеты – обширного плоскогорья, занимающего центральную часть Пиренейского полуострова.

Применительно к политико-территориальному делению периода Высокого Средневековья речь идет о большей части королевств Кастилия и Леон по положению на 1217 г., момент вступления на кастильский престол Фернандо III (1217/1230-1252) (в то время леонским королем являлся его отец Альфонсо IX (1188-1230)), за исключением их самых северных исторических областей – Галисии, Астурии и Кантабрии. Соответственно, северная граница очерченного региона соотносится с областью, примыкавшей с севера к южной ветке «дороги Сантьяго», пути паломничества в Сантьяго-де-Компостелу в том его виде, который установился начиная с XII-XIII вв., тогда как южные пределы совпадают с южной границей королевств Кастилия и Леон в тот же период.

Во многом уже в IX – начале XI вв. сложились ключевые особенности системы освоения и заселения региона. Форпостом военной христианской колонизации стала сеть городов-крепостей, которых ко второй трети XIII в. насчитывалось около 55. Они контролировали свои сельские округа (площадь каждой из которых могла насчитывать десятки квадратных километров) в военном, административном и хозяйственном отношении. В их ряду следует выделить такие поселения, как Авила, Аларкон, Альба-де-Тормес, Алькала-де-Энарес, Альканьисес, Алькарас, Алька́сар (ныне – Алька́сар-де-Сан-Хуан), Аранда-де-Дуэро, Арéвало, Арлансон, Бéхар, Бриуэга, Бурго-де-Осма, Бургос, Вальядолид, Гвадалахара, Ильескас, Калатрава (ныне – Калатрава-ла-Нуэва), Касерес, Кастехон, Кока, Консуэгра, Кория, Куэльяр, Куэнка, Ледесма, Леон, Мадрид, Майорга, Медина-дель-Кампо, Мединасели, Миранда-де-Эбро, Оканья, Ольмедо, Роа, Паленсия, Пласенсия, Пеньяфьель, Риаса, Саагун, Саламанка, Самора, Сеговия, Сепульведа, Сигуэнса, Сорита-де-лос-Канес, Сория, Талавера (Талавера-де-ла-Рейна), Толедо, Тордесильяс, Торо, Уклес, Уседа, Уэте, Эскалона и др.

Несмотря на то, что демографический, экономический и военный потенциал этих военно-административных центров не был одинаковым (а многие и вообще не сильно отличались от замков *stricto sensu*), следует подчеркнуть факт совпадения или значительной близости ключевых особенностей развития этих поселений и прилегающих к ним районов, что в свою очередь, позволяет констатировать существование единой модели военно-административной, правовой, социально-экономической организации, а также культурной жизни, свойственной региону в целом. Ее ключевой особенностью являлась определяющая роль военной сферы, влияние которой определило развитие городских социумов, властных структур и образа жизни, целом. В частности, можно указать на такие проявления этой закономерности, как доминирующая роль местного рыцарства, значительная социальная дистанция между статусами воинов и не-воинов, прямая связь основных платежей и повинностей с военной сферой (марсадга, фонсадера и др.), значительные затраты местных властей на поддержание на должном уровне системы укреплений, специфика городской застройки и организации городской жизни и др.

Черты институционального и историко-культурного единства региона становились все более выраженными с течением времени, особенно – после реформирования круга христианских политий в результате раздела державы короля Памплоны Санчо III Великого (ок. 1000-1035), вследствие которого сложились три новые королевства – Кастилия, Арагон и Наварра. После присоединения Астури-Леонского королевства Фернандо I (1035-1065), правителем Кастилии, территории, относящиеся к исследуемому региону, оказались в составе королевств Кастилия и Леон. Впервые объединенных в 1037 г., в дальнейшем они существовали как отдельные политии в 1065-1072 гг. и 1157-1230 гг., после чего в 1230 г. были окончательно объединены королем Фернандо III. Период со второй половины XI до середины XIII вв. стал временем наивысшего расцвета леонских и кастильских городов-крепостей Центральной Испании, причем южная граница региона постепенно

сместились в междуречье Тахо и Гвадианы, почти до северных склонов горного массива Сьерра-Морена, включив замки и города Аларкон, Аларкос, Калатрава, Кория, Альмаден, Алькантара и др. Свое стратегическое значение города-крепости Центральной Испании сохраняли до начала «Великой (или Быстрой) Реконкисты» Фернандо III и Альфонсо X (1252-1284) и утратили его окончательно лишь после ее завершения в начале 1260-х гг. (взятие района Кадиса и Ньеблы).

Однако и после этого городская жизнь региона сохраняла значительную специфику, вплоть до конца XIII – второй половины XIV вв. Эта специфика четко прослеживается при сопоставлении центрально-испанских городов с другими городскими центрами Кастилии и Леона. Если говорить о городах, располагавшихся к северу от исследуемого региона, на территориях Галисии, Астурии и Кантабрии (А-Корунья, Сантьяго-де-Компостела, Луго, Туй, Асторга, Овьедо, Хихон, Виго и др.), то они в силу своей удаленности от южных границ и особенностей рельефа (Галисийские горы, Кантабрийская Кордильера, Иберийские горы) как естественного барьера, затруднявшего доступ захватчиков в соответствующие области, были лишены той степени военно-стратегической значимости, которой до второй трети XIII в. обладали укрепленные городские поселения Центральной Испании. Отличались последние и от крупных городов юга полуострова, долгое время сохранивших зримые черты преемственности с городской жизнью мусульманского времени (Бадахос, Кордова, Севилья, Малага, Гранада, Кадис и др.).

Хронологические рамки исследования имеют четкую верхнюю границу – конец XIII-середина XIV столетия, время, когда средневековый городской строй в центральной части Испании достиг состояния зрелости. К этому моменту на территории королевства завершился процесс складывания системы городских поселений, что коренным образом изменило не только этноконфессиональный состав населения региона, но и иные ключевые характеристики городской жизни. Испано-христианский город обрел характерную топографию и топонимику, демографическую и сословную

структуру, правовой режим, систему властных учреждений, устоявшиеся формы хозяйственной жизни и другие черты, сохранявшиеся до конца Средневековья, а как территориальный институт, объединяющий в своих границах город и прилегающую к нему сельскую округу – до второй трети XIX в., когда реформы деамортизации привели к окончательному разделению городских и пригородных территорий.

Что же касается нижней хронологической границы, то она остается открытой, поскольку отдельные элементы структуры консехо как института местного самоуправления сложились в разное время и соединились в единое целое лишь в XII – середине XIV вв. Так, предыстория территориальной общины связана с формами сельского коллективизма римско-вестготского периода (до начала VIII в.). Формирование консехо как территориального института, объединяющего в своих рамках город и прилегающую к нему сельскую округу, восходит к модели сельской виллы римско-вестготского времени; ключевой этап эволюции этой модели пришелся на период VIII-X вв., время превращения консехо в институт территориально-административного типа, объединявший в своих пределах город и прилегающую к нему сельскую округу. В следующий период, в XI – середине XIV вв., центры таких общин приобрели типологические характеристики поселений городского типа. Наконец, институты феодальной власти, в структуру которой было встроено и консехо как институт местного самоуправления, в своих истоках восходят к римско-вестготскому времени. Состояния институциональной зрелости они достигли в XI – середине XIV вв., когда под влиянием процесса рецепции *ius commune* и усвоения норм и практик каталоно-арагонского феодализма сформировались основные источники феодального права Кастилии и Леона и сложилась связанная с ними правовая (=правоприменительная) практика. Определяющую роль в этом процессе сыграла законодательная деятельность короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252-1284), его непосредственных предшественников и ближайших преемников.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной и мировой научной литературе в настоящем диссертационном исследовании сформулировано целостное представление о географии власти в средневековом испанском городе (на примере городов центральных областей полуострова), соответствующее современному уровню развития отечественной и мировой науки в сфере изучения средневековой истории городов Пиренейского полуострова и латинского Запада в целом.

Впервые в отечественной и мировой науке средневековый институт местного самоуправления, – территориальная община-консехо, – представлен в широком институциональном и правовом контексте как субъект и объект властных отношений феодального типа. Полному пересмотру подверглись ранее существовавшие представления о характере сеньориальной власти над городом, дана корректная, основанная на широком круге источников трактовка понятия «сеньор города», которое, как считалось ранее, обозначало одну из категорий городских министериалов.

Впервые дана целостная, соответствующая современному уровню развития отечественной и мировой медиевистики характеристика политической системы феодальной эпохи, ее ключевых институтов, их роли и места в феодальных правовых и политических практиках. Впервые в отечественной и мировой научной литературе представлена корректная, основанная на материале источников, типология вассальных контрактов в Кастилии и Леоне эпохи Высокого Средневековья. Значительно скорректировано представление о содержании ряда ключевых понятий кастильско-леонского феодального права и характере обозначаемых ими институтов, в том числе – «сеньор по рождению», «сеньория по рождению», «вассал по рождению», «оммаж», «вассальный контракт по испанскому обычаю», всесторонне изучены обозначаемые этими понятиями политические, правовые, социальные и культурные реалии и значительно скорректированы концептуальные представления об этих явлениях, ранее существовавшие в мировой науке (в отечественной же науке они практически

не исследовались). Внесен серьезный вклад в изучение роли словесных формул и жестов в процессе установления и разрыва вассально-сеньориальных отношений; полученные выводы заставляют пересмотреть ранее утвердившиеся в мировой науке представления на этот счет, сохранявшие свое значение на протяжении более столетия.

По существу, впервые в мировой и отечественной медиевистике установлен четкий круг акторов и центров власти в средневековом городе, выявлены правовые основы их юрисдикций, установлены качественные различия между сеньориальными прерогативами короля и других субъектов феодальной власти. Существенным вкладом в теоретические представления о характере феодальной власти стала предложенные в работе уточнения содержания понятия «феодальная раздробленность», ранее применявшегося исключительно к определению раздробленности удельной, территориальной.

Выявлен и введен в научный оборот ряд архивных материалов, ранее не использовавшихся в отечественной науке, а в зарубежных исследованиях применявшийся для решения иных задач. В частности, это касается установления целого комплекса рукописей «Книги приговоров» (Вестготской правды), одновременно содержащих тексты правил вселенских соборов, папские постановления и иные нормативные акты церковного происхождения. Показано, что такие латинские рукописи составляют очевидную латинскую параллель византийской традиции номоканонов, правовых кодексов, содержание которых включало тексты как светского (императорского, королевского), так и церковного права. Особо следует отметить аргументы из области кодикологии, позволяющие определить суть политической системы Толедского королевства вестготов понятием «симфония», традиционно использовавшимся для характеристики модели отношений между Церковью и государством, сложившейся в Византии времен Юстиниана I. Новым в отечественной историографии является также использование миниатюр каталонской «Большой книги феонов» как визуального источника по истории

жеста и средневекового правового ритуала. Присутствуют и некоторые другие новации того же рода.

В процессе исследования был выявлен широкий круг опубликованных источников по городской истории, ранее не использовавшихся (и даже неизвестных) в отечественной науке вообще и в изучении истории средневекового западноевропейского города, в частности. К ним относится значительная часть памятников феодального права (само это понятие было введено в терминологию отечественной медиевистики впервые), многие публикации документов из муниципальных, церковных и монастырских архивов, коллекции королевских документов и др.

Выявлен значительный информационный потенциал нарративных источников. В первую очередь, речь идет о хрониках на разговорных языках, которые впервые в отечественной науке были изучены с учетом результатов новейших зарубежных (испанских, французских, британских) исследований в области истории историописания. Никогда ранее в отечественной испанистике памятники средневековой хронистики не изучались столь всесторонне, с учетом различий между текстами разных редакций одних и тех же хроник и особенностей связанной с ними рукописной традиции. Это позволило провести компаративные исследования разных версий текстов и получить важную дополнительную информацию. Выяснилось, что именно средневековая хронистика (при всех известных недостатках этого подvida исторических источников) способна дать наиболее целостное представление о политических процессах, их акторах, формах взаимодействия между ними, не только существенно дополнив информацию нормативных и документальных источников, но и в целом ряде случаев дав основания для значительных корректировок существующих концептуальных представлений.

Наконец, никогда ранее в отечественной испанистике в таких масштабах не использовались данные памятников средневековой литературы, прежде всего версифицированных и прозаических рыцарских романов. Они оказались ценнейшими источниками по истории повседневной жизни феодальной знати,

идеологии средневекового рыцарства, форм имплементации правовых норм и их оценки в аристократической среде и др. Впервые в отечественной науке был установлен факт отсутствия жесткой жанровой границы между историописанием на старокастильском языке, с одной стороны, и памятниками рыцарской литературы с другой, что объясняется фактом принадлежности тех и других к придворной (куртуазной) культуре и ориентацией на идентичную или сходную аудиторию.

Теоретические и методологические основания исследования. В теоретическом отношении данная работа носит выраженный междисциплинарный характер, поскольку основана на сочетании нескольких классических и современных подходов. Наряду с традиционными методологическими принципами и методами (в первую очередь – *принципом историзма, историко-генетическим методом, историко-типологическим методом, методом исторической периодизации* и др.), автор настоящей работы использовал также более специальную методологию, соответствующую цели и задачам данного конкретного исследования.

Прежде всего, уже сама постановка проблемы географии власти ставит вопрос о широком использовании *историко-географического метода*. Главным образом, речь идет об исторической политической географии, поскольку любая политическая география изучает взаимосвязь между политической деятельностью людей и географическим пространством, в котором она осуществляется. При таком подходе в качестве объекта исследования выступают территориально-политические системы как закономерные сочетания элементов политической деятельности на какой-либо территории (политические и административные границы, центры управления, органы власти и др.). В настоящей работе наглядным примером территориально-политических систем является территориальная община-консехо, имеющая четкие границы, локальный правовой режим, действовавший в пределах общины, круг акторов, конкурирующих в борьбе за власть в ее границах и т.п. С точки зрения методологии истории в собственном

смысле слова такой подход четко соответствует концепции «пространственного поворота», представленного и в российской исторической науке. Следует подчеркнуть, что в (в том числе – испанской) науке элементы такого подхода возобладал достаточно давно. В частности, не используя понятие «география власти», именно об этом уже в 1980-х гг. писал Г. Мартинес Диэс. В работах последнего времени о территориальной составляющей политических процессов понятие «география власти» утвердилось достаточно прочно (труды К. Эстепа Диаса, Х.-М. Монсальво Антона, С. Мартен, Р. Джонс, А. Рейнольдс, У. Дэвис и др.).

Историко-правовой метод применен в процессе исследования правовых норм, действовавших в исследуемом регионе в разные периоды его истории – от постклассического римского права до кодификаций времен Альфонсо X и актового материала VI – середины XIV вв.

Историко-лингвистический метод представлен, в первую очередь, лексико-семантическим анализом, которому по возможности подвергаются все основные понятия. В последнем случае важны идеи школ **истории понятий** – немецкой (Р. Козеллек и его сторонники) и Кэмбриджской (Д. Покок, Кв. Скиннер и др.). В первом случае речь идет, с одной стороны, о восприятии понятий как своеобразного конденсата исторического опыта, а с другой – утверждение о наличии в них перформативной составляющей, которая сама по себе становится фактором конструирования социальной реальности. В частности, именно под этим углом в настоящей работе исследованы испанские термины, изначально использовавшиеся историками для описания муниципального строя римской Испании, но начиная с XVII-XVIII вв. механически распространенные на реалии средневековой системы самоуправления.

Говоря об идеях исследователей Кэмбриджской школы истории понятий, выделю принципиальную для них идею неразрывной связи понятийной системы любого текста с тем широким историческим контекстом, который определил процесс его создания. В этом смысле, оказывается невозможным

отделить смысл понятия как составного элемента такого текста от его восприятия в тот период, когда этот текст был создан. Важна также идея Кв. Скиннера, предлагавшего отличать первоначальное значение понятия, выявляемое через его контекстуализацию, от т.н. «накопленных смыслов» (комплекса значений), приобретенных исследуемым понятием под влиянием реалий других исторических периодов в ходе его исторического развития. В частности, именно с этих исследовательских позиций в настоящей работе анализируются основные направления эволюции содержания ключевых понятий, связанных с историей средневековой территориальной общины – консехо. Отдельную проблему составляет эволюция содержания понятий, заимствованных из арабского языка через посредство мосарабской среды, которые обрели новую жизнь в текстах на вернакулярных языках и диалектах.

Кроме того, в рамках спектра историко-лингвистических методов, применяемых в настоящей работе, необходимо назвать метод диахронического (или регрессионного) исследования текста, предложенный еще на рубеже XIX-XX вв. в рамках методологии структурализма (Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист и др.), а также метод лексико-семантического анализа текста. Это важно, во-первых, тем, что старокастильский язык был в значительной мере искусственно сформирован в скриптории Альфонсо X Мудрого (1252-1284) и при его непосредственном участии. Исходя из этого, оказывается возможной операция, обратная той, которая была совершена королем Кастилии и Леона, а именно – диахронического анализа текста. Во-вторых, такой подход неоднократно использовался при изучении правовых текстов, составляющих весомую часть круга источников настоящего диссертационного исследования. Речь идет о наработках т.н. «юрислингвистики» 1990-х гг., использованных при применении методов диахронического (или регрессионного) исследования текста и лексико-семантического анализа при изучении таких правовых терминов, как «сеньор по рождению», «сеньория по рождению» и др.

Наконец, в определенных частях исследования был востребован *просопографический метод*, который использован для исследования

характера сеньориальной власти в ряде кастильских и леонских городов XII-середины XIV вв. путем выявления личных имен их сеньоров и исследования их биографий.

Практическая значимость результатов исследования определяется, во первых, возможностью применения при разработке курсов лекций по истории средневековой Испании, истории и культуры западноевропейского Средневековья. Во-вторых, их можно использовать при подготовки докладов и сообщений для выступления на научных конференциях. В-третьих, результаты работы, ее методология и введенные в научный оборот источники расширяют направления последующих исследований по истории средневекового города и политической истории западноевропейского Средневековья. В-четвертых, материалы исследования могут быть использованы для проведения широкого спектра компаративных исследований. В-пятых, полученные результаты значимы для понимания механизмов исторической памяти испанцев, этнокультурная самоидентификация которых, как правило, в первую очередь, определяется образами и символами, связанными с локальной историей их малой родины, тогда как места памяти национального уровня имеют явно меньшее значение.

Положения, выносимые на защиту. В результате изучения феномена географии власти городов Центральной Испании до конца XIII – середины XIV вв. удалось установить основные характеристики средневекового консехо как института местного самоуправления (территориальной общины) и административно-территориального округа, выявить круг акторов (субъектов феодальной власти), представленных в границах общины, перечень связанных с ними центров и учреждений, а также формы взаимодействия и конкуренции между ними. Основные результаты диссертационного исследования сформулированы в следующих положениях, выносимых на защиту.

1. Элементы преемственности между муниципальной организацией римского времени, сельскими общинами-консехо раннего Средневековья и городским самоуправлением XI–XIII вв. связаны с историей сельских сходов

римско-вестготской эпохи. Представлявшие «соседскую» организацию римского времени и не являвшиеся самостоятельными властными учреждениями, такие сходы выполняли важную роль, обеспечивая публичность процесса принятия и исполнения решений административного и судебного характера.

2. Истоки консехо как формы организации пространства восходят к сельскому поместью (вилле) римско-вестготского времени, претерпевшему существенные изменения в VIII–X вв. под воздействием военно-колониционных процессов. В XI – середине XIV вв. наиболее значимые центры общин-консехо обрели характеристики поселений городского типа и сформировали территории своих сельских округ. Вместе с тем, установление и изменение границ последних производилось, в первую очередь, в интересах светских и духовных сеньоров, представленных в городе, что указывает на ограниченность территориальной юрисдикции консехо как института местной власти.

3. Содержание юрисдикции консехо определялось, в первую очередь, местными нормативными актами – фуэро, положения которых дополнялись всякого рода привилегиями. Главным институтом власти консехо был общий сход его членов (весино), также именовавшийся «консехо». На территории общины действовали должностные лица разного статуса, некоторые из которых (оффициалы или апортельядо) были связаны с консехо особенно тесно, выбирались и вводились в должность при его участии и приносили клятвы верности своей общине. Тем не менее, даже в сферах ведения, относимых фуэро к его юрисдикции, консехо обладало ограниченной субъектностью, не всегда могло противостоять вмешательству со стороны внешних акторов, не до конца контролировало собственных должностных лиц и т.п.

4. В рамках феодальной иерархии, окончательно сложившейся в XII–XIII вв., консехо подчинялось королю и как «сеньору по рождению», формально поставленному над этой иерархией, и как владельцу собственного домена

(если община находилась на королевской земле). Если же она не относилась к королевскому домену, то подчинение «сеньору по рождению» сочеталось для нее с признанием власти сеньоров иных категорий – светских и духовных магнатов, монастырей, духовно-рыцарских орденов и т.п. Считалось, что зависимость «по рождению» возникает автоматически, но на деле признание за королем статуса «сеньора по рождению» каждым из субъектов феодальной власти (включая консехо королевства) фиксировалось отдельными соглашениями, что свидетельствует о частно-правовом характере зависимости такого рода. Соглашения скреплялись оммажами, правовым инструментом, использовавшимся не для фиксации факта вассалитета, а как дополнительная гарантия исполнения сторонами взятых на себя личных (невассальных) обязательств.

5. Передача сеньориальной юрисдикции над консехо оформлялась вассальным контрактом «по испанскому обычаю», заключение и расторжение которого включало совершение жеста поцелуя правой руки сеньора. В отличие от отношений «по рождению», вассальный контракт «по испанскому обычаю» всегда предполагал материальное вознаграждение за вассальную верность – от земельных держаний до денежных феонов. На правах феодальных владений передавались замки, расположенные в городах и их округах, фиксированные части городских и пригородных территорий и т.п. В большинстве случаев контролировать этот процесс община – скорее объект, чем субъект вассальных отношений – не могла.

6. Обычной практикой являлось сосуществование на территории консехо различных сеньориальных юрисдикций (самой общины, короля, светских и духовных сеньоров и др.), пребывавших в состоянии постоянной конкуренции и стремившихся к расширению своих прав и прерогатив. Так проявлялась *феодалная раздробленность*, становившаяся следствием процесса дробления юрисдикций.

7. Одним из основных форпостов феодальной власти в городе выступал дворец. Истоки этого института уходят в римско-вестготский период.

Окончательная «медиевализация» дворца произошла на рубеже X–XI вв., когда он превратился в инструмент феодальной власти короля, светских и духовных сеньоров и др. Во многих случаях (хотя и не всегда и не в равной степени) изначально связанные с дворцом категории должностных лиц (министериалов) с течением времени сближались с консехо и становились ядром системы городского самоуправления (конец XII – середина XIV вв.).

8. Наряду с дворцом, роль форпоста феодальной власти в городе играл городской замок или алькасар (последний совмещал функции укрепления и резиденции сеньора и его министериалов). На правах феодальных держаний замки (алькасары) передавались сеньорами городов своим вассалам, становившимся алькайдами (шателенами). Контроль над замком (алькасаром) обеспечивал военный контроль над городом в целом. При этом консехо крайне редко удавалось поставить замок или алькасар под свой контроль, что является одним из свидетельств ограниченной субъектности общины.

Апробация результатов исследования. Основные результаты работы были отражены в 24 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. По теме диссертационного исследования было издано 8 томов монографий и комментированных переводов источников, в которых автор настоящего исследования выступал в качестве автора, соавтора и редактора-составителя. Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры всеобщей истории Исторического факультета РГГУ, а также были представлены в 2020-2025 гг. в докладах на 24 международных и 18 всероссийских научных конференциях как в России, так и за рубежом. Кроме того, результаты исследования нашли отражение в процессе реализации научных проектов, неоднократно поддержанных грантами РГНФ в 2005 – 2015 гг., в которых автор выступал в качестве руководителя или ведущего исполнителя. Еще одной важной формой апробации результатов исследования стало обсуждение частей работы, представленных в составе промежуточных и итоговых отчетов по проектам НИР в Институте общественных наук

РАНХиГС в 2020-2025 гг., где автор диссертации выступал в качестве руководителя, либо ведущего исполнителя.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование объемом 1560 страниц состоит из введения, восьми глав основной части, списка использованных источников и литературы, а также приложений (3 таблицы и 8 карт).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» даны определения объекта и предмета исследования, сформулированы цель и задачи, охарактеризована степень научной разработанности проблемы, обоснована актуальность темы исследования, показаны научная новизна и практическая значимость работы, сделан анализ источников, изложены выносимые на защиту положения, а также результаты апробации исследования.

В главе I (**Историографические проблемы исследования**), подразделяющейся на восемь параграфов и подпараграфы, дается общая характеристика степени изученности проблемы, выделяет круг нерешенных и/или дискуссионных проблем городской истории испанского Средневековья, решение которых предлагается в основной части диссертационного исследования. Проанализированы концепции, представленные в трудах ученых XVI – начала XXI вв. Особое внимание обращено на понятийную систему, используемую в литературе для описания властных отношений в средневековых городах исследуемого региона, на формирование которой существенное влияние оказали историографические мифы о «свободном» и «нефеодальном» характере городских учреждений.

В целом, на широком историографическом материале показано, что как в зарубежной (включая испанскую), так и в отечественной медиевистике до сих пор остаются нерешенными и/или дискуссионными ряд ключевых проблем городской истории испанского Средневековья. В первую очередь, речь идет о(б): истоках и времени возникновения средневековой

территориальной общины консехо как института местного самоуправления; характере его связей с формами городского / сельского коллективизма более раннего времени (включая периоды доримской и римско-вестготской Испании); генезисе консехо как территориальной организации, определением его внешних и внутренних границ, а также формах освоения пространства внутри последних (как в городской черте, так и за ее пределами); степени и средствах контроля консехо над его территорией, а также взаимоотношениях с иными субъектами феодальной власти по вопросам территориальной юрисдикции; формах интеграции консехо в иерархию феодальной власти, одним из элементов которой оно являлось, а также характере обусловленных этими формами взаимоотношений между территориальной общиной и ее сеньорами (королем, светскими магнатами, духовными сеньорами и др.); спектре конкретных правовых инструментов, использовавшихся для фиксации взаимных обязательств между элементами и уровнями иерархии феодальной власти, а также средствах, призванных гарантировать соблюдение обязательств, принятых на себя сторонами; формах, характере и моделях сосуществования различных сеньориальных юрисдикций, представленных на территории консехо; статусе и функциях дворца как института сеньориальной власти и связанных с ним категорий должностных лиц (министериалов), действовавших на территории консехо, формах их взаимодействия с общиной и правовых инструментов, гарантировавших от проявлений произвола с их стороны по отношению к городскому населению; статусе и функциях замка как института сеньориальной власти и связанных с ним должностных лиц и воинских контингентов, формах и характере их контактов с общиной и правовых инструментах, гарантировавших от проявлений произвола и прямого насилия с их стороны по отношению к городскому населению.

В следующих главах диссертационного исследования предлагаются конкретные варианты решения этих проблем.

В главе II (Источниковедческие проблемы исследования), подразделяющейся на шесть параграфов и подпараграфы, дается общая

характеристика основных архивных и опубликованных источников проблемы и определяются пути использования их данных в основной части диссертационного исследования. Многие из охарактеризованных в главе источников впервые вводятся в научный оборот. Впервые в отечественной медиевистике подробно характеризуется их рукописная традиция. Аргументируется высокая информационная ценность нарративных источников (в том числе – эпоса и раннего рыцарского романа) для исследования сюжетов городской истории Средневековья, ранее явно недооценивавшаяся в историографии проблемы.

В главе III (**Античная предыстория средневекового города: *territorium* римско-вестготского времени**), подразделяющейся на восемь параграфов, отмечается, что предыстория географии власти средневекового города связана с эволюцией сельской округи (лат. *territorium*) городских центров римского времени. В римское время *territorium* (западный аналог сельской хоры городов грекоязычных провинций Империи) выступал в качестве ключевой формы организации пригородного пространства, в первую очередь – землеустройства, землевладения и землепользования. Подчиненная должностным лица гражданской общины-муниципия в административном плане, городская округа римского времени вместе с тем обладала и собственной институциональной структурой, ключевым элементом которой являлись сельские сходы, не игравшие самостоятельной роли в административной и судебной системе, но обеспечивавшие публичность процесса принятия и исполнения решений, затрагивавших локальные интересы сельских жителей – *rustici, vicini*.

Расселение варваров в V в. н.э. не внесло сколь-нибудь существенных изменений в эту систему отношений. В вестготское время в королевском законодательстве сельская округа по-прежнему выступает как территориальный округ, в границах которого действовал целый ряд категорий должностных лиц, прежде всего – различные категории «судей»-*iudices* (*iudices loci* и др.), комиты городов, десятники, сотники и тысяцкие (тиуфады)

и др. При этом, уже для первых десятилетий VII в. характерен рост влияния епископата, прямых преемников традиции муниципальных магистратов римского времени, на местные судебные и фискальные институты, что в полной мере соответствовало общей тенденции к христианизации власти и ее роли в процессе эволюции античной гражданской общины полисного типа и ее превращения в общину церковную во главе с епископом, унаследовавшим ряд значимых полномочий римских магистратов. К концу же VII в. содержание понятия *territorium* окончательно обрело выраженный церковный характер и стало обозначением загородной территории епархии как места служения клира.

Расселение варваров не принесло ничего похожего на общинные порядки: соответствующие концептуальные представления, отраженные литературой проблемы, следует отнести к категории историографических мифов. Однако, были сохранены общие принципы сельского коллективизма римского времени, в первую очередь – обусловленная ими соседская организация и традиция «соседских» сходов/собраний (*conventa vicinorum*). В противоположность народным собраниям граждан (*comitia*), отличавшимся высоким уровнем организации и достаточно четкой процедурой, «соседские» сходки характеризовались разнообразием состава, менее четкой организацией и происходили по конкретным поводам (*ad hoc*). При этом, самостоятельным судебным или административным учреждением они не являлись. И все же институт сходов стал настолько неотъемлемой чертой сельской повседневности, что пережил античную гражданскую общину и сохранил свое значение в новой – христианской, – социальной организации, пришедшей на смену римскому муниципию. Именно в преемственности традиции сельских «соседских» сходов и следует усматривать элементы континуитета между муниципальной организацией римского времени, сельскими общинами-консехо раннего Средневековья и городским самоуправлением XI–XIII вв.

В главе IV (**Границы: средневековый город и его округа в системе консехо (X – середина XIV в.)**), подразделяющейся на шесть параграфов и

подпараграфы, определяются территориальные пределы консехо, выделяются и классифицируются основные виды его внешних и внутренних границ. Отмечается, что, если предыстория консехо как института местного самоуправления восходит к традиции сельского коллективизма римско-вестготского времени, то его истоки как территориальной организации следует связать с сельской виллой античного и вестготского времени, изначально объединявшей в своих пределах собственно господскую усадьбу, примыкавшие к ней поселения деревенского типа (*vici*) и земли сельскохозяйственного назначения (поля, виноградники, пастбища, пустоши и др.). На основе этой структуры в VIII–X вв. стал формироваться институт территориально-административного типа, объединявший в своих пределах город и прилегающую к нему сельскую округу, который в этом виде просуществовал очень долго – вплоть до второй трети XIX вв.

Определяющее влияние на процесс складывания консехо как территориальной общины оказал процесс военной колонизации VIII–X вв. В следующий хронологический период – XI – середина XIV вв., – наиболее значимые в военном, экономическом и логистическом отношении *vill(a)e* и *castella*, центры общин-консехо, стали быстро обретать характеристики поселений городского типа. К концу периода, в конце XIII – середине XIV столетий, городской строй в центральной части Испании достиг степени зрелости. Испано-христианский город обрел характерную топографию и топонимику, демографическую и сословную структуру, правовой режим, систему властных учреждений, устоявшиеся формы хозяйственной жизни и другие черты, сохранявшиеся до конца Средневековья.

Четко выраженный территориальный характер консехо автоматически предполагал наличие целого комплекса границ – внешних и внутренних. В первую очередь, речь идет о внешних границах консехо как сообщества «города и деревень» (ст. каст. *conçeio de uilla e de aldeas*), которые в правовом смысле разделяли местных жителей – полноправных горожан-домовладельцев (лат. *uincini*, ст. каст., леон. *uezinos*) и их зависимых людей, не имевших

собственного жилья (лат. *inquilini, habitatores, conductores*; ст. каст., леон. *moradores*), – от «чужаков» (лат. *extranei*; ст. каст., леон. *omnes de fuera, omnes estrannos*).

Наряду с внешними границами территории консехо, существовали и внутренние. К их числу относились, прежде всего, границы сельских общин, объединявших сельских жителей (лат. *aldeani*, ст. каст., леон. *aldeanos*). В их пределах разграничивались частные и общественные владения – участки под застройку, пахотные земли, выпасы, виноградники и т.д. Свои границы – внешние и внутренние – имел также город, системообразующий центр консехо. Внешние пределы города составляли торгово-ремесленные предместья (ст. каст. *arrival*, леон. *arraualde*), как правило окруженные внешними стенами.

Городские стены с башнями и воротами определяли внешние границы и основной территории собственно городских поселений, разделенных на районы или кварталы (*barrios*), пределы которых определялись, главным образом, делением на церковные приходы. Те, в свою очередь, подразделялись на улицы, вдоль которых выстраивались отдельные домовладения. Лишь владельцы (а не арендаторы) последних *intra muros*, могли в полной мере пользоваться правами, вольностями и привилегиями, установленными местными нормативно-правовыми актами. Отдельное место в городском пространстве занимали также городская цитадель – замок (алькасар), а также *альхамы* – кварталы компактного проживания этноконфессиональных меньшинств, мавританские (*морериш*) или иудейские (*хударши*).

Вся эта сложная совокупность границ лишь частично регулировалась консехо. Реальные территориальные конфликты часто решались в пользу не общины, а короля и феодальных сеньоров. Факты такого рода могут быть объяснены лишь институциональной рыхлостью консехо XI – середины XIV вв., функционировавшего не столько как самостоятельный институт управления, сколько как элемент механизма феодальной власти – королевской и/или сеньориальной.

В главе V (**Город в системе местного самоуправления: консехо Сории к концу XIII в.**), подразделяющейся на шесть параграфов и подпараграфы, на конкретном примере – консехо Сории конца XIII в., основные черты которого отразились в местном судебнике (фуэро) этого времени, – дается характеристика типологических особенностей территориальной общины Центральной Испании как института местного самоуправления. Выбор именно этого города был предопределен как особенностями его локальной истории (наличие богатой событиями доримской и римской предыстории, значимость региона в военно-политических процессах конца XI – начала XII вв., важность роли города как логистического и экономического центра и др.), так и спецификой текста фуэро Сории, который в его сохранившемся виде отразил основные тренды, определившие развитие форального права городов Центральной Испании, в целом.

В свете данных фуэро Сории консехо этого города, в первую очередь, предстает как территориальная организация, объединявшая в своих границах город и городскую округу, внешние границы которой имели не только территориальное, но и правовое содержание: именно в их пределах осуществлялись функции консехо как института местной власти. При этом, право на хозяйственное использование территории округи принадлежало исключительно членам консехо – весино (ст. каст. *uezino*). Тем не менее, при всей значимости этих факторов, роль территориальной общины в регулировании режима землевладения и землепользования в ее границах была вспомогательной. В конечном итоге, она сводилась к обеспечению сеньориальных прав короля и других субъектов феодальной власти, их наиболее эффективной реализации. Городские и сельские приходы Сории выступают в фуэро как ключевая по значимости, – по существу, даже единственная, – территориально-административная единица в границах общины-консехо. Никакой иной территориально-административной структуры, кроме приходской, территория консехо Сории не имела.

Статус весино гарантировал его обладателю определенный комплекс прав на территории консехо. Тем не менее, при всей значимости и реальности прав весино, обращает на себя внимание отсутствие единых критериев принадлежности к описываемой группе, что оставляло возможность для иных субъектов феодальной власти, – короля, светских и духовных магнатов и др., – решать вопрос о предоставлении статуса весино в своих собственных интересах.

В сфере управления городом и его округой на территории консехо Сории действовал широкий круг должностных лиц разного уровня, статуса и функций, полномочия которых также имели неодинаковое происхождение; в частности, в фуэро упоминаются министералы короля. Однако наиболее тесная связь с общиной отличала т.н. официалов или апортельядо (судья, алькальды, судебные следователи, разные категории сторожей, сайонов, гонцов и др.). К этой же категории относятся и должностные лица, представлявшие консехо в конкретных делах – «добрые люди» и т.н. «персонеро». При этом, критерии включения / невключения тех или иных должностных лиц в число официалов / апортельядо при ближайшем рассмотрении оказываются недостаточно четкими. Обращают на себя внимание также черты статуса, сближающие официалов / апортельядо с министералами, представлявшими в городе интересы сеньора.

Тот факт, что в системе организации власти кастильская территориальная община занимала самостоятельное место, подтверждается, среди прочего, и наличием собственных знаков власти – знамени, печати, регистрационной книги и «книги фуэро». Тем не менее, консехо далеко не всегда могло контролировать их использование. Известны факты передачи отдельных знаков власти консехо в аренду частным лицам в качестве источника извлечения доходов в пользу сеньоров.

Наконец, важнейшим элементом системы власти в рамках консехо являлись общинные сходы, которые также именовались *concilium* / *conçeio*. Собиравшиеся в установленные дни призывом глашатаев или звоном

колокола, такие сходы объединяли все население консехо и рассматривали фиксированный круг вопросов: введение в должность различных категорий должностных лиц, удостоверение сделок, публичное совершение некоторых правовых актов (усыновление, признание отцовства и др.), выдвижение обвинений по уголовным делам, предъявление свидетельств и публичное принесение клятв, позволявшее оправдаться, публичное получение гарантий безопасности, а также принятие обращений к королю, сеньору и иным субъектам феодальной власти (включая другие консехо). Однако, при всей важности роли сходов, крайняя гетерогенность состава собравшихся препятствовала принятию детальных решений, заставляла ограничиться простой аккламацией, что повышало роль должностных лиц как интерпретаторов воли общины. В конечном итоге, роль собраний консехо, выразителей воли общины, – как в Сории, так и в других городах Центральной Испании, – оказывалась пусть и важной, но скорее пассивной.

В главе VI (**Город в иерархии феодальной власти (до середины XIV в.)**), подразделяющейся на восемь параграфов и подпараграфы, устанавливается место города в иерархии феодальной власти, что определяло и место в феодальном политикуме, в целом. Объединявший различные категории сеньоров и вассалов, этот последний не знал иного принципа организации отношений господства и подчинения, кроме иерархии вассально-сеньориальных уз. В источниках выделяются два уровня феодальной иерархии – верхний (вассально-сеньориальные отношения «по рождению») и нижний (узы «по испанскому обычаю»).

Согласно нормам законодательства (в первую очередь, кодексов, созданных легистами под руководством Альфонсо X Мудрого – «Королевском фуэро» (1255 г.), «Зерцале законов» (ок. 1260 г.) и «Семи Партидах» (после 1265 г.)), узы «по рождению» (ст. каст. *por naturaleza*) объединяли лиц, родившихся на «земле» (лат. *terra*, ст. каст. *tierra*) королевства (ст. каст. *naturales, uassallos naturales*) и в силу этого факта связанных узами личной зависимости с королями как своими «сеньорами по рождению» (лат. *dominus*

naturalis, ст. каст. *senhor natural*). Такого рода зависимость не предполагала прямого материального вознаграждения за вассальную верность. Более того, «сеньор по рождению» имел право изгнать своего «вассала по рождению» (даже если он являлся могущественным магнатом) с земли в случае проявления неверности, которая квалифицировалась как предательство (ст. каст. *traición*) – самое тяжкое из уголовных преступлений.

В нарративных источниках – латинских и старокастильских хрониках, эпических поэмах (прежде всего – в «Поэме о Сиде» и ее прозаических переложениях), рыцарских романах, верифицированной агиографии, написанной на романсе – вассальные узы «по рождению» выступают как жесткая форма личной зависимости, внешним проявлением которой оказываются словесные формулировки и жесты, символизирующие покорность и смирение (ст. каст. *omildat, omildança*). В ряду этих жестов явно выделяется поцелуй ноги короля как «сеньора по рождению», выступающий одним из стабильных внешних атрибутов установления зависимости «по рождению».

Вместе с тем, анализ данных источников свидетельствует о том, что представления о наличии у правителей Леона и Кастилии неких особых – «врожденных» – властных прерогатив, автоматически распространявшихся на всю территорию – «землю» (*tierra*) – их королевства, имели достаточно древние, дофеодалные, истоки. Анализ элементов правового ритуала, связанного с вассально-сеньориальными отношениями «по рождению», и в первую очередь – жеста поцелуя ноги и сопровождавших его совершение словесных формул и общего культурно-правового контекста, позволяет возвести их к древним практикам *προσκύνησις / adoratio*, имеющим восточное происхождение и получившим распространение на Западе в связи с церемонией почитания императорской власти, с одной стороны, и христианскими представлениями о формах почитания Христа, с другой.

Светская традиция *προσκύνησις / adoratio* получила естественное продолжение в Византии, откуда перешла в придворный ритуал правителей

Священной Римской империи, применительно к которым время от времени источники сообщают об обычае целовать императорам ноги. Иная – сугубо церковная – традиция, берущая начало в христианских текстах, прежде всего – в книгах Ветхого и Нового Заветов, связывалась с почитанием Христа и апостолов. Она получила развитие параллельно светской и, не пересекаясь с ней, повлияла на традицию почитания прелатов (включая римского понтифика, но не только его) и аббатов. Обе традиции были хорошо известны в Испании еще в римско-вестготское время и сохранились в последующий период.

В эпоху Толедского королевства вестготов, главным образом – в конце VI – начале VIII вв., его правители, прямые продолжатели римско-византийских традиций «соборного правления», особых отношений между королевской властью и духовенством, своеобразной «вестготской симфонии», образцом которой являлась «симфоническое» правление в ранней Византии, заимствовали также и ряд ритуальных практик, в том числе – те из них, которые были связаны с совершением жеста поцелуя ноги. После мусульманского завоевания начала VIII в. рудименты представлений о характере королевской власти и связанных с ним ритуальных практиках римско-византийского происхождения сохранялись и в эпоху Астурийского / Астуро-Леонского королевства. Полностью они не исчезли даже тогда, когда произошла смена династии, а христианские политии северной и северо-западной Испании были интегрированы в систему Римской Церкви, а местное духовенство отказалось от местных литургических традиций и обрядов в пользу римских. Об этом свидетельствуют данные самых разных источников, в том числе нарративных, созданных вплоть до середины XIV в. и даже позднее.

При этом, разумеется, сохранение традиции восприятия образа королевской власти, черты которого были унаследованы от римско-вестготского времени, не означало, что этот образ не претерпел за столетия существенных изменений. В частности, появление понятия *dominus naturalis* в

латинской хронистике во второй трети XII в. в противовес понятиям, с конца XI – начала XII вв. обозначавшим королевский домен (лат. *regalengum*), а также сеньориальные владения светских магнатов (лат. *dominium*) и Церкви (лат. *abadengum*) следует воспринимать как одну из наиболее существенных новаций в этой сфере. Она была призвана подчеркнуть факт наличия у короля особых властных полномочий, гораздо более авторитетных и древних, чем «обычная» сеньориальная юрисдикция короля, распространявшаяся на территорию его домена, не имевшая принципиальных качественных отличий от сеньориальной юрисдикции светских и духовных магнатов.

Именно так было положено начало феодальной иерархии нового типа, сохранившейся с этого времени вплоть до эпохи Трастамара (вторая половина XIV – начала XVI вв.), верхний уровень которой составила королевская «сеньория по рождению» (ст. каст. *naturaleza, sennorio natural*). Сначала это понятие утвердилось в правовой практике, отраженной литературными памятниками, и лишь затем получило разработку в кодификациях эпохи Альфонсо X, создававшихся легистами в традициях университетского ученого права. Являвшаяся рудиментом концепции королевской власти времен вестготской «соборной монархии», «сеньориальная власть по рождению», вопреки мнению, утвердившемуся в литературе (Л. Г. де Вальдеавельяно, И. Грассотти, Ж. Мартен и нек. др.), не носила публично-правового характера. Хотя в теории подчинение сеньориальной власти такого рода возникало «от рождения», т.е. естественным образом, автоматически, на деле акт признания вновь вступившего на престо короля «сеньором по рождению» в каждом конкретном городе, замке, регионе требовал оформления особым соглашением (ст. каст. *pleito, postura*), содержание которого существенно отличалось от региона к региону и от города к городу.

Заключение такого рода соглашений, как правило, предполагало объезд правителем территории королевства и его переговоры с соответствующими субъектами феодальной власти об условиях признания прерогатив короля как «сеньора по рождению», действовавших в период правления

непосредственного предшественника нового монарха. При этом, чем менее уверенно чувствовал себя последний, тем более активный характер носили такие переговоры, порой приобретающие характер откровенного торга, что особенно заметно применительно к периоду конца XIII – первой четверти XIV вв., ознаменованному вступлением на престол малолетних правителей Фернандо IV (1295–1312) и Альфонсо XI (1312–1350).

В качестве дополнительной гарантии таких соглашений они скреплялись принесением оммажа (лат. *hominium*, *homagium*, ст. каст. *(h)omenaie*). Этот институт феодального права, возникший в Каталонии в конце X в., связал в единую систему три ключевые элемента феодального политикума – сеньора, вассала и феод как материальное вознаграждение за вассальную верность. Изначально появившийся как вассальный контракт, оммаж, скрепление которого требовало публичного произнесения словесной формулы признания факта вассалитета и совершения жеста вложения рук (или рукопожатия – в случае высшей знати), иногда сопровождавшегося коленопреклонением, не позднее середины XII в. (уже в каталонском феодальном праве), превратился в дополнительное соглашение, играющую роль дополнительной правовой гарантии соблюдения обязательств сторон, предусмотренных «основным» договором. Дело в том, что игнорирование обязательств, скрепленных оммажем, квалифицировалось как предательство (лат. *traditio*, ст. каст. *traición*), от обвинения в котором, наряду с обвинением в измене (ст. каст. *aleue*), представители знати могли оправдаться лишь участием в судебном поединке.

Правовой институт с такими функциями оказался крайне востребован феодальным политикумом, поскольку определяющую роль в его структуре играли частноправовые соглашения, несоблюдение условий которых носило массовый характер и являлось существенной проблемой. Использование оммажа для ее решения, разумеется, не могло полностью изменить ситуацию, но приносило в отношения между субъектами феодальной власти некоторые дополнительные гарантии, игнорирование которых, как свидетельствуют

данные источников, влекло за собой, по меньшей мере, ощутимые репутационные издержки. Именно поэтому институт соглашения, скрепленного оммажем (лат. *placitum et hominium*, ст. каст. *pleito e (h)omenaie*) рассматривался как довольно эффективное средство оформления акта признания власти «сеньора по рождению» со стороны иных субъектов феодальной власти, включая территориальные общины-консехо. В масштабах всего королевства соглашения, скрепленные оммажем, выполняли значимую системообразующую функцию, придавая целостность феодальному политикуму во главе с королем как «сеньором по рождению». Неотъемлемым элементом этой системы, наряду с монархом, светскими и духовными магнатами, выступали и города в лице своих территориальных общин-консехо.

Вместе с тем, однако, последние являлись не только субъектами, но и объектами феодальной власти, принадлежностью королевского домена, либо сеньорий светских и духовных магнатов. Передача сеньориальной юрисдикции над консехо осуществлялось в рамках вассально-сеньориальных отношений между субъектами феодальной власти путем заключения вассального контракта «по испанскому обычаю». Его заключение и расторжение предполагало произнесение соответствующей словесной формулы и совершение жеста поцелуя правой руки сеньора, иногда сопровождавшееся коленопреклонением. В отличие от вассально-сеньориальных отношений «по рождению» узы, возникавшие путем заключения вассального контракта «по испанскому обычаю», всегда предполагали материальное вознаграждение за вассальную верность – от земельных держаний феодального типа до денежных феонов (лат. *stipendium*, ст. каст. *soldada*), т.е. фиксированных денежных сумм, ежегодно выплачивавшейся сеньором своим вассалом (как правило, рядовым воинам-рыцарям).

Применительно к условиям кастильского и леонского города объектом пожалования являлась четко очерченная юрисдикция в границах консехо, в первую очередь предполагавшая распоряжение городским замком

(алькасаром). Чаще, однако, передавались отдельные элементы такой юрисдикции, дававшие право сеньорам, их получившим, востребовать с горожан и жителей округа комплекс конкретных платежей и повинностей; объектом пожалования вассалу могли стать и отдельные властные прерогативы, вместе с полагавшимися за них доходами. Де-факто не было ни одного консехо, вся территория которого принадлежала бы какому-то одному субъекту феодальной власти. Наоборот, обычной практикой являлось сосуществование на территории общины различных сеньориальных юрисдикций (самого консехо, короля, светских и духовных сеньоров – епископов, монастырей, духовно-рыцарских орденов и др.), которые пребывали в состоянии постоянной конкуренции, стремясь к расширению своих прав и властных прерогатив. Такая конкуренция – своеобразная *феодалная раздробленность*, если понимать под последней результат дробления не уделов, а юрисдикций, – носила перманентный характер, во многом определяя повседневную жизнь городского социума.

В главе VII (**Феодалная власть в городе: дворец и его люди (до середины XIV в.)**), подразделяющейся на десять параграфов, речь идет о дворце, который, наряду с замком (алькасаром) являлся важным форпостом феодальной власти в городской черте, резиденцией сеньора города и министериалов – должностных лиц, представлявших его власть на уровне городского поселения. Непосредственная предыстория средневековых дворцов восходит к провинциальным императорским резиденциям периода Домината и королевским дворцам вестготской эпохи, когда они являлись не только резиденциями правителей, но и офисами императорских чиновников (лат. *palatini*). В вестготской Испании центральное место в их среде заняли королевские рабы и вольноотпущенники. После мусульманского завоевания, в VIII – начале XI вв., дворец, его функции и связанные с ним категории должностных лиц не претерпели значимых изменений, тогда как рубеж X-XI вв. стал для дворцов временем наступления «настоящего» Средневековья. *Palatia* превратились в институты не только королевской, но и сеньориальной

власти, как в формирующихся городах, так и за их пределами. Номенклатура должностных лиц сильно сократилась, а сами они превратились в настоящих министериалов короля или сеньора. В XI – середине XIV вв. в городах Центральной Испании короли, светские магнаты, архиереи, монастыри или духовно-рыцарские ордена получали власть над городом как феодальным владением. С XII в. возникает тенденция к постепенному сокращению юрисдикции сеньоров, их дворцов и министериалов и расширению за их счет прерогатив консехо, а также к сближению министериалов с общинами и их превращению в должностных лиц последних. Впрочем, эта важная тенденция не являлась устойчивой.

В главе VIII (**Феодальная власть в городе: замок и его люди (XII – середина XIV вв.)**)), подразделяющейся на четыре параграфа и подпараграфы, в центре исследования оказывается еще один форпост феодальной власти в городской черте – замок (алькасар). В отличие от замка *stricto sensu*, выполнявшего исключительно военные функции, алькасар являлся также и центром власти, совмещая функции городской цитадели, с одной стороны, и дворца как резиденции феодального сеньора (либо одного из нескольких сеньоров, обладавших юрисдикцией в городской черте) и министериалов соответствующих категорий, с другой. Замки (алькасары) в массовом порядке появились в городах Центральной Испании в XII в. К середине XIV вв., они стали неотъемлемой частью как городского пейзажа, так и локальной системы феодальной власти. Шателены (алькайды) получали власть над ними путем заключения вассальных контрактов. Несмотря на злоупотребления с их стороны, короли крайне неохотно передавали контроль над укреплениями в руки консехо.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения научной проблемы.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, входящих в
перечень Минобрнауки РФ**

1. Ауров О. В. Местное рыцарство Кастилии в XIII – середине XIV вв. // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 64-84.
2. Ауров О. В. Образ жизни кастильского рыцаря XIII в. // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 56-67.
3. Ауров О. В. Коллективный оммаж горожан. Сюжет из истории феодализма в позднесредневековой Кастилии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2011. Т. 2. Вып.8. URL: <https://history.jes.su/s207987840000240-3-1/> [Электронный ресурс].
4. Ауров О. В. “...Intrare suam propriam hereditatem” (Hist.Rod. 34): Землевладение, вассалитет и феодализм в Кастилии XII века. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 2(10). URL: <https://history.jes.su/s207987840000327-8-1/> [Электронный ресурс].
5. Ауров О. В. К вопросу о характере эдикта Эвриха (Сюжет из истории права переходной эпохи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 3(11). URL: <https://history.jes.su/s207987840000375-1-1/> [Электронный ресурс].
6. Ауров О. В. «Sicut in edictum scriptum est». К проблеме преемственности римско-правовой традиции в эдиктах варварских королей VI вв. // Вестник древней истории. 2013. № 2. С. 41 – 63.
7. Ауров О. В. Феодальный мир Кастилии в XII веке (об одном фрагменте «Истории Родриго») // Средние века. 2013. Вып. 74 (3-4). С. 60-77 (1,1 п.л.)
8. Ауров О. В. «Исполняя долг всего рыцарства»: заметки историка-медиевиста на полях романа Сервантеса // Новый филологический вестник. 2014. №2(29). С. 116-128.
9. Ауров О. В. Риторика вместо права. «История Вамбы» Юлиана Толедского и проблема правовой защиты королевской власти // Средние века. 2015. Т. 76. №3-4. С. 291-309.

10. Ауров О. В. Русский перевод фуэро Леона в контексте истории советской медиевистики 1980-х гг. // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 229-241.
11. Ауров О. В., Беленький С. Б. Альфонсо X и *fecho del imperio* в американской историографии 1960-1980-х гг. // Диалог со временем. 2019. №67. С. 263-272.
12. Ауров О. В. *Segund diz Plinio...*: «Естественная история» Плиния Старшего как возможный источник «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого // ШАГИ / STEPS. 2020. Т.6. №1. С. 187-213.
13. Ауров О. В. Средневековая власть: начало (на примере римской Испании) // Средние века. 2020. Вып. 81. №1. С. 31-39.
14. Ауров О. В. Феодализм как форма организации власти: пример Кастилии и Леона XI – середины XIV века // Средние века. 2020. Вып. 81. №1. С. 57-65.
15. Ауров О. В. Византийский мир в зеркале кастильского и леонского историописания XIII века // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 310-320.
16. Ауров О. В. Границы в системе юрисдикции территориальной общины (консехо) в Центральной Испании XI – середины XIV вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 9 (107). URL: <https://history.jes.su/s207987840017150-4-1/> [Электронный ресурс].
17. Ауров О. В. *Territorium*. Сюжет из истории муниципального строя в городах Испании V-VII вв. // Вестник древней истории. 2023. №2. С. 340-366.
18. Ауров О. В. Александр Рафаилович Корсунский: фронтовой опыт историка-медиевиста // ШАГИ/STEPS. 2023. Т. 9. №2. С. 187-212.
19. Ауров О. В. Альфонсо X Мудрый. Трактат о рыцарстве: «О рыцарях и о том, как им надлежит поступать» (Partid.II.21) / Перевод, вст. ст., комментарии О. В. Аунова // ШАГИ/STEPS. 2023. Т. 9. №2. С. 213-242.
20. Ауров О. В. Еще раз о диктатуре и об уроках испанской и русской истории: рецензия на книгу Хуана Доносо Кортеса // Философия. Журнал

Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 3. С. 358–368. URL: <https://philosophy.hse.ru/article/view/18021> [Электронный ресурс].

21. Ауров О. В. Город и замок в Кастилии и Леоне в конце XII – середине XIV вв.: сюжет из истории феодальной власти // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 7 (129). URL: <https://history.jes.su/s207987840027448-1-1/> [Электронный ресурс].

22. Ауров О. В. Понятие *palatium* в языке испанского права IV – начала VIII вв. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8. № 3. С. 57–88. URL: <https://philosophy.hse.ru/article/view/22605> [Электронный ресурс].

23. Ауров О. В. «Северная Венеция» и «Южный Новгород»: размышления о книге П. В. Лукина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8, Вып. 3. С. 389–400. URL: <https://philosophy.hse.ru/article/view/22610> [Электронный ресурс].

24. Ауров О. В. Феодальное право в текстах о Сиде: к вопросу о понятии *naturaliza* // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2025. Т. 16. Вып. 3 (149). URL: <https://history.jes.su/s207987840035034-6-1/> [Электронный ресурс].

Статьи, опубликованные в иных изданиях (Российская Федерация)

25. Ауров О. В. “Alço la mano, a la barba se tomo”: Из истории испанской средневековой правовой символики // Кентавр/Centaurus. *Studia classica et mediaevalia*. Вып. 1. Москва: РГГУ, 2004. С. 125 – 160.

26. Ауров О. В. Средневековая территориальная община в Леоно-Кастильской Эстремадуре (об одном историографическом мифе) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 117 – 130.

27. Ауров О. В. "Deuen leer las estorias...": Истоки и развитие сословной идентичности кастильского рыцарства (XII – середина XIV вв.) // Социальная идентичность средневекового человека /Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М., 2007. С. 88 – 127.

28. Аулов О. В. Фрагменты эдикта короля Эвриха: исследование и перевод // *IUS ANTIQUUM*. Древнее право. 2007. № 1 (19). С. 244 – 263.

29. Аулов О. В., Тасиц К. И. “*Aquila regina volucrum*”: Комментарий как средство источниковедческого исследования // Комментарий исторического источника: исследования и опыты. Москва: ИВИ РАН, 2008. С. 84 – 104.

30. Аулов О. В. Хроника Альфонсо III (из цикла астурийских хроник конца IX в.) [перевод, комментарии] // Памятники средневековой латинской литературы. X – XI века. /Отв. ред. М.Л. Гаспаров, М.С. Касьян; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва: Наука, 2011. С. 248 – 269.

31. Аулов О. В. Житие св. Ильдефонса [перевод, комментарии] // Памятники средневековой латинской литературы. X – XI века. /Отв. ред. М.Л. Гаспаров, М.С. Касьян; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва: Наука, 2011. С. 269 – 274.

32. Аулов О. В. “...*Primusque inter suos regali ueste opertus solio resedit*”: О символах власти вестготских правителей V – середины VI вв. // Варварство и цивилизация. Вып. 2: Парадоксы победы цивилизации над варварством. /Отв. ред. В.П. Буданова, О. В. Воробьева. Москва: ИВИ РАН, 2013. С. 181 – 202.

33. Аулов О. В. Partid.II.31: «Об училищах, где усваиваются науки, и о магистрах, и о студентах» // Исторический вестник. 2015. Т. 12 (159). С. 454 – 465.

34. Аулов О. В. Из Болоньи в Кастилию: люди, книги, образ жизни (Заметки по истории университетов в Кастилии и Леоне в XIII – XIV веках) // Исторический вестник. 2015. Т. 12 (159). С. 12 – 79.

35. Аулов О. В. Основные этапы истории Церкви и христианской литературы в Испании до 1000 г. // *Mater Hispania*. Христианство в Испании в I тысячелетии /сост. протоиерей Андрей Кордочкин. Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. С. 22 – 50.

36. Аулов О. В. Хроника Альфонсо III [Родская версия] / Введение и перевод О.В. Аулова // *Mater Hispania*. Христианство в Испании в I

тысячелетии /сост. протоиерей Андрей Кордочкин. Санкт-Петербург: Алетейя, 2018.С. 538-555.

37. Ауров О. В. Сергей Дмитриевич Червонов и его труды по истории испанского средневекового города // Червонов С. Д. Испанский средневековый город. Санкт-Петербург: Евразия, 2018. С. 335-357.

38. Ауров О. В. А.Р. Корсунский и традиции научной школы В.К. Пискорского (о педагогическом наследии ученого) // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории. Сборник научных статей. Казань: Изд-во Казанского университета, 2019. С. 54-61.

39. Ауров О. В. История святых: жанровые и источниковедческие аспекты испанской агиографии до 1000 года // Память и идентичность: особенности историописания в Античности, в Средние века и раннее Новое время / Сб. ст. по материалам межвузовской научной конференции. Москва, 4-5 июня 2018 г. Москва: ИЦ РГГУ, 2019. С. 130-144.

40. Ауров О. В. *Libri Feudorum* и традиция ученого феодального права Кастилии и Леоне XIII – XIV вв.: о рукописи MSS/392 (С-8) из Национальной библиотеки Испании (Мадрид) // История и архивы. 2019. №4. С. 80-87.

41. Ауров О. В. Королевская власть в Толедском королевстве вестготов (конец VI - начало VIII в.) // Монарх и монархия. К 150-летию со дня рождения императора Николая II и 100-летию убийства царской семьи. Москва: ПСТГУ, 2020. С. 32-48.

42. Ауров О. В. Научное наследие С.Д. Червонова (1955-1988) и его роль в развитии российской испанистики // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. / сост. И отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. Т. 1. С. 92-94.

43. Ауров О. В. Преподавалось ли ученое феодальное право в Кастилии и Леоне XIII – XIV вв.? Заметки о рукописях *Libri Feudorum* из испанских собраний // История и архивы. 2020. №2. С. 103-111.

44. Ауров О. В. Малоизвестный кастильский трактат о рыцарстве: к 800-летию со дня рождения Альфонсо X Мудрого // *Dísablót*. Сборник статей коллег и учеников к юбилею Елены Александровны Мельниковой. Москва: Квадрига, 2021. С. 358-363.

45. Ауров О. В. Дворец в описаниях городов Испании до конца XIII века: от Исидора Севильского до брата Хуана Хиля де Самора // Империя и ее соседи. Сборник статей к юбилею Андрея Юрьевича Прокопьева / Под ред. А. Х. Даудова и С. Е. Федорова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2025. С. 130-146.

46. Ауров О. В. Варианты интерпретации одного конфликта: мятеж 673 г. от «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского до «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого // Древнейшие государства Восточной Европы. 2025 год: Пути и способы разрешения конфликтов. Москва: ГАУГН-Пресс, 2025. С. 261-280.

Статьи, опубликованные в зарубежных изданиях

47. Aurov O. Artifex legum: Ideal del rey-legislador en la España Visigoda a mediados del siglo VII // *E-Legal History*. 2006. 6//www.iustel.com [Электронный ресурс].

48. Aurov O. El concejo medieval castellano-leonés: El caso de Soria // *Anuario de historia del derecho español*. 2007. T. 76. P. 33 – 79.

49. Aurov O. Sepúlveda y la caballería en una villa fronteriza hasta mediados del siglo XIV // *Los fueros de Sepúlveda y las sociedades de frontera* / Coord. por F. Suárez Bilbao y A. Gamba Gutiérrez. Madrid: Dykinson S.L., 2008. P. 217 – 236.

50. Aurov O. “*A me fazer pleito e omenaje*”: Una villa castellana y el feudalismo hispánico en el año 1415 // *El Municipio medieval: nuevas perspectivas* / Coord. por J. Alvarado Planas. Madrid: Sanz y Torres; Messina: Scania University Press, 2009. P. 81 – 107.

51. Aurov O. El homenaje colectivo y la Comunidad de la Villa y Tierra en el reino castellano-leonés a mediados del siglo XIV: algunas observaciones sobre la historia del feudalismo hispánico // *Homenaje al profesor José Antonio Escudero*. T. 2. Madrid, 2012. P. 253 – 270.

52. Aurov O. La traducción rusa del fuero de León en el contexto del medievalismo tardosoviético // Cuadernos de Historia del Derecho. 2019. Vol. 26. P. 11-34.

53. Aurov O. A propós del carácter del poder real visigodo antes de la época de Leovigildo // Historia sin fronteras. En torno a las raíces de Europa. Estudios en honor del profesor Luís A. García Moreno / Ed. por J. Gómez de Caso Zuriaga. Alcalá de Henares, Sevilla: Editorial de la Universidad de Sevilla, 2021. P. 91-108.

Монографии

54. Ауров О. В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII – середине XIV века. – Москва: ИЦ РГГУ, 2012. – 580 с.

55. Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V – начало VIII века). Исследования и переводы / Под ред. О. В. Аулова, Е. С. Марей. – Москва: ИД «Дело», 2017. – 352 с.

56. Ауров О. В. Испания в эпоху вестготов. Краткая история. – Санкт-Петербург: «Евразия», 2019. – 224 с.

57. Историк и власть, историк у власти: Альфонсо X Мудрый и его эпоха (к 800-летию со дня рождения) / Под общ. ред. О.В. Аулова, А.В. Марей, Р. Пичеля. – Москва: Издательская группа «Альма Матер»; Издательство «Альма Матер», 2024. — 564 с.

Комментированные переводы источников

58. Вестготская правда. (Книга приговоров). Lex Visigothorum (Liber Iudiciorum) / Под общ. ред. О. В. Аулова, А. В. Марей. – Москва: Изд-во университета им. Дмитрия Пожарского, 2012. – 942 с.

59. Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис / В 3-х тт. / Под общей редакцией О. В. Аулова (составитель, ответственный редактор), И. В. Ершовой, Н. А. Пастушковой. – Санкт-Петербург: Наука, 2019-2022.